

М. В. Ильин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕНАХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВАХ (II)¹

Ключевые слова: политическая форма, политический порядок, политическая формула, эволюционная морфология

¹ Окончание. Начало см. *Полития*. 2014. № 4. С. 58—70. Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проекты № 13-03-00310а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства» и № 13-03-00399а «Между патримонным и современным политическим порядком: качество управления в странах постсоветского пространства»), а также РФФИ (проект № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований»).

² Каспэ [Kaspé] 2012.

³ Именно этого я и требую от своих студентов — давать не «правильные», а адекватные ответы и на исследовательские, и на экзаменационные вопросы.

После предпринятого в первой части статьи экскурса в морфологию и свойственные ей трактовки форм (морф, паттернов, видов, обликов и т.п.), а также в мою хронополитическую схему эволюционной морфологии вполне можно перейти к обсуждению конкретных идей и положений, выдвинутых Святославом Каспэ в его статье о понятии политической формы².

Начать мне хотелось бы с благодарностей. Это дело редкое в академическом сообществе, а нашем отечественном вообще небывалое. Ведь признательность и признание — это первый шаг к усвоению и усовершенствованию результатов. А иначе, как не помнящие родства Иваны, не увидим пророков в своем Отечестве. Так что не будем забывать достижения Бориса Чичерина, Льва Мечникова, Александра Богданова, Александра Золотарева, Георгия Шахназарова, Николая Крадина, Виктора Сергеева, Вадима Цымбурского, Юрия Пивоварова, Александра Филиппова, Андрея Мельвиля и многих других коллег.

Прежде всего я благодарен Каспэ за заданный вопрос: «Что такое политическая форма?». Суметь сформулировать вопрос — это половина успеха. Дать на него адекватный³ ответ — еще один шаг в этом направлении. Ответ был дан. И не просто адекватный, но весьма творческий. Но об этом позднее. И о том, как его можно дальше творчески скорректировать.

Вторая благодарность — за упоминание энциклики «Immortale Dei». Уже одно то, что Каспэ привлек внимание коллег к энциклике и сформулированному в ней крайне важному положению о суверенности, заслуживает благодарного признания. А данное в этом тексте замечательное определение соотношения суверенитета (точнее, суверенности) и формы политического устройства особенно поучительно для нас своей отчетливостью и ясностью в свете поверхностных суждений о деградации суверенитета, государства и т.п.

Третья благодарность Каспэ — за то, что он взял на себя смелость обратиться к обыденным и прочим (философским, интеллектуально-дилетантским, дидактическим, политическим, морфологическим) сло-

воупотреблениям без оглядки на скорые обвинения коллег, будто это «лингвистика». Конечно же, не лингвистика. Это ясно всякому хотя бы раз открывавшему настоящее лингвистическое сочинение, например классический и, безусловно, обязательный для изучения любым профессионально ответственным политологом словарь Эмиля Бенвениста⁴, касающийся базовых понятий индоевропейцев, включая свободу, власть, авторитет, право, доверие, клятву и многие другие ключевые политические категории. Внимание к словоупотреблению — это безусловный признак профессионализма, требовательного и критического отношения к научному и, шире, интеллектуальному аппарату — и своему собственному, и своих коллег.

⁴ Бенвенист [Benveniste] 1995.

Особая и очень личная благодарность Каспэ за обращение к эволюционной последовательности формообразования, пусть даже в виде поверхностной и примитивной схемы Пьера Манана — ведь и она дает возможности для обсуждения важных моментов эволюционной морфологии политики, которая в самых общих чертах была представлена в первой части статьи и к которой предстоит еще вернуться.

Разумеется, в развитие благодарностей и помимо них текст Каспэ требует различных уточнений, а то и исправлений. Попробую их сформулировать. Но прежде — еще одно важное замечание. Наряду с энциклопедией и сочинениями Карла Шмитта в статье приводится ряд других примеров. Их выбор не очевиден, но вполне приемлем. Вероятно, наличие в названиях книг или глав слова «форма» сыграло свою роль, хотя отдать предпочтение морфологам, а не квазитеоретикам было бы куда разумнее. Удивляет не выбор, а то, как Каспэ квалифицирует отобранные им работы: «Все это — исследования безупречного качества, а иногда и экстраординарной глубины»⁵. Преувеличение качества сочинений Шелдона Уолина, Этьена Балибара и Манана работает против авторов вполне дюжинных, но отнюдь не «безупречных» текстов. Ну а заявление об «экстраординарной глубине» просто не адекватно. Балибар и Манан вызывающе поверхностны, порой сознательно. Недаром Манан назвал свой курс политической философии «общедоступным»⁶. Можно даже сказать — слишком общедоступным.

⁵ Каспэ [Kaspe] 2012: 6.

⁶ См. Манан [Manan] 2004.

На этом фоне тем более странно выглядит преувеличенно скромное нежелание Каспэ уподобить свой «opus перечисленным выше блестящим исследованиям»⁷. Напрасная скромность. Вполне можно и даже нужно уподобить. Сравнение будет явно в его пользу — во всяком случае в той части, которая касается проблематики политических форм. Мы привыкли (сам грешен!) заявлять о необходимости усваивать достижения мировой политической науки, подниматься на ее уровень. Однако далеко не все отвечает этому уровню не только у нас. Львиная доля того, что издается за рубежом, — это весьма посредственные сочинения, написанные и опубликованные «для отчетности». И даже то, что претендует на достойный уровень, как работы Уолина, Балибара и Манана, довольно банально и предсказуемо в своих методологических установках и выводах.

⁷ Каспэ [Kaspe] 2012: 7.

Ну а теперь снова к благодарностям — и к полемическим замечкам.

Что такое политическая форма?

⁸ Под «чистой морфологией», по аналогии с «чистой семантикой» Чарльза Морриса, понимается трансдисциплинарный органон, то есть «очищенный» от дисциплинарных и даже предметных ограничений инструмент познания. Подробнее см. Авдонин [Avdonin] 2014, 2015; Ильин [Ilyin] 2014, 2015.

⁹ Каспэ [Kaspe] 2012: 5.

¹⁰ Там же: 7.

¹¹ Там же.

¹² Там же: 10.

На вопрос Каспэ позволю себе отреагировать собственными вопросами. Один предполагается ответ или несколько — и можно ли удовлетвориться одним ответом? Форма чего? Можно ли говорить о форме как таковой? Если да, то попадаем ли мы в сферу «чистой морфологии»?⁸ Достаточно ли квалификации *политическая форма*? Или требуется уточнить — форма *политического*? А что такое *политическое*? Отвлеченное качество наподобие треугольности? Чем тогда являются формы отвлеченных качеств? Предмет ли это политической теории? Нет, как она нам известна. Тем более это не предмет эмпирической политологии, с которой часто отождествляется политическая наука.

Вопросов много. Не буду пытаться дать даже предварительные ответы. Ограничусь замечанием. «Предметом размышления становится форма *самого* (курсив мой — *М.И.*) политического», — пишет Каспэ⁹. Перенесу акцент. Скорее предметом размышления и обсуждения становится *сама* форма отдельных политических явлений (вещей? тел?) и в целом политической действительности, то есть ее осуществяемости, энтелехии. О различении метафор (и точных научных инструментов анализа!) пространственных тел и темпоральных процессов речь пойдет особо, в связи с природой метафор, языка и мышления.

В своей статье Каспэ обращает внимание на отсутствие эксплицитного определения политической формы в рассматриваемых им трудах Шмитта, Уолина, Балибара и Манана. Тем более ценно признание самого автора, что несколько лет назад он «изрядно оконфузился, написав книгу „Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма“ — и обойдясь в ней без малейшего намека на эксплицитное определение понятия, вынесенного в заголовок»¹⁰.

О чем свидетельствует отсутствие определения? О том, как очень верно подмечает Каспэ, что «понятие политической формы функционирует примерно как заклинание — заклинание работающее, действительно способное открыть какие-то двери, но делающее это неясным для самого заклинателя способом»¹¹. Отсюда вывод — фактически мы сталкиваемся здесь с метафорой, а не с понятием: «Форма — пространственная категория, описывающая внешние контуры, очертания предмета. Но очертания иногда, в особых контекстах и ситуациях способны сказать о предмете нечто более важное, чем даже его содержание. Так, бывает, мерцающие (merbh) вспышки ночных молний высвечивают какие-то темные громады — и помогают заблудившемуся путнику хотя бы ориентироваться среди них, пусть даже не проясняя полностью их состав и строение. Форма удостоверяет, что предмет *есть*, и тем самым открывает возможность сделать следующий шаг — установить, *что* он есть»¹². Метафора указывает на тайну. Задача — ухватить ее с помощью концепта, то есть «схватывания».

О метафорах, терминах и подсказках языка мы поговорим чуть ниже. А пока — искомый ответ: «И можно чисто логическим и спекулятивным путем предположить, что та *интегрированная композиция взаимно комплементарных пространственных метафор власти*, которая в определенных условиях места и времени, для определенной политики (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную*, и есть *форма* этой политики (или ансамбля политий) — получающая свое отдельное имя уже в качестве метафоры *второго порядка*»¹³.

¹³ Там же: 13.

Действительно, «вот и ответ», как перевел Борис Пастернак «There's the rub» из шекспировского оригинала. Вот в чем суть, вот где «натерто».

Удачное определение требует развития и прояснений. Например, остается загадочным именование «уже в качестве метафоры *второго порядка*». Если имеются в виду «метафорические» завершения все новых и новых циклов концептуализации, то такое понимание следует приветствовать и углублять. Если же это «абсолютизация» редуцированной когнитивной схемы, то мои возражения и сомнения очевидны. В целом полагаю, что скорее следовало бы обратиться к когнитивным схемам, которые отражаются и в процессах именованья, и в процессах метафоризации — отнюдь не только «второго порядка», но многократной и постоянной.

Попробую на свой лад — проще, отчетливей и с некоторыми уточнениями — переформулировать данное Каспэ определение политической формы: композиция взаимно комплементарных пространственных (а также темпоральных и иных) метафор власти (и не только власти, но также свободы-мира, порядка и т.п.) и есть форма политики (или ассамблеи политий).

Как нетрудно заметить, дополнения в основном касаются темпоральности и «невластных» аспектов политики. Мне представляется односторонним мнение, будто политические метафоры носят преимущественно пространственный характер¹⁴. Каспэ заявляет — *ignotamus et ignorabimus*; смирится с этим, примет как должное. Однако причины фундаментальности пространственных метафор раскрыли Джордж Лакофф и Марк Джонсон¹⁵. Онтологически базовыми, исходными являются ориентационные метафоры, порождаемые нашей биосферной телесностью. Эти метафоры выражаются предложениями (в, на, под и т.п.), фиксирующими отношения между телами. Отсюда неизбежная пространственность всякой онтологии, трактовки вещей и тел, в том числе и политической онтологии, представляющей политические тела, *bodies politic, corps politique*. Если попытаться вычленивать подходящие базовые метафоры из репертуара Лакоффа и Джонсона, то на ум приходят две ориентационные метафоры: «внешнее — внутреннее» и «верх — низ».

¹⁴ Там же: 12.

¹⁵ Лакофф, Джонсон [Lakoff, Johnson] 2004.

Перенос взгляда с тел на процессы, естественно, связан с иными метафорами. Они относятся не к предметам, представленным именами

существительными, а к действиям, представленным глаголами. Тут базовыми метафорами выступают, как правило, наречия (сейчас, раньше, позже, быстрее, снова и т.п.), которые квалифицируют действия, то есть динамику политической действительности, ее *энергетику*. Этот термин я намеренно связываю с синонимичными понятиями Вильгельма фон Гумбольдта «энергеия» (Energiea), «деятельность» (Tätigkeit) и «порождение» (Erzeugung), которым тот противопоставлял ставшее, овеществленное: «мертвый продукт» (todtes Erzeugtes) и «продукт деятельности» (Ergon)¹⁶. Энергетика политической динамики противопоставляет «массивности» политических тел.

¹⁶ Гумбольдт [Humboldt] 2000.

В самом простом, редуцированном и логически, и генетически виде эволюционное различие спатальных и темпоральных аспектов (как и их связь в едином пространстве-времени) может быть представлено следующим образом.

Пространственная (спатальная) «вещь» — это закрытая или открытая система со смысловой оппозицией «система — среда» и на этой основе со структурными стержнями «центр» и «периферия» (точнее, оболочка, граница между системой и средой).

Темпоральная деятельность — закрывание или открывание системы и в пределе просто совершенность и несовершенность, если использовать логико-лингвистические характеристики аспектуальности, грамматику глагольного вида.

Теперь, когда прояснены не только спатальные, но и темпоральные моменты базовой метафорики, начнем насыщать данную схему. В работе Каспэ фактически предлагается одна базовая конфигурация «центр—периферия—вертикаль». Она мыслится как простейшая и исходная, так сказать, примордиальная. Но фактически тройная метафора построена на основе позднейших форм асимметричных отношений, вытекающих из достаточно развитых и даже изошренных имперских и теократических практик. На это явно указывают и примеры, и способы представления центров, периферий и вертикалей в тексте Каспэ.

Приведу лишь отдельные примеры, которые будут более тщательно рассмотрены в эволюционном ряду форм, когда дело дойдет до четвертой и главной моей благодарности Святославу Игоревичу.

Одним из ранних моментов морфологического развития метафоры «внешнее — внутреннее» является выделение своего (человеческого) рода в чуждой внешней среде. Как показывает осуществленная мною на индоевропейском материале реконструкция метафор и прочих средств различения человеческого существования и гибельных для людей стихий вражды и нужды¹⁷, эта оппозиция и соответствующие метафоры носят, по-видимому, всеобщий характер. В ходе антропогенеза новые качества, связанные с дополнением биологического воспроизводства вида homo sapiens социальным (вос)созданием человеческого рода, потребовали концептуализации. Этому способствовала оппозиция «свои, настоящие люди — чужие, нелюди», внутри своего пространства наполнявшаяся свободой, миром и дружбой, а вне его — нуждой и враждой.

¹⁷ Ильин [Ilyin] 2001.

Данное различие на гораздо более позднем материале было отчасти разъяснено и развито, отчасти упрощено и мистифицировано Шмиттом в его блестящем труде «Понятие политического»¹⁸.

¹⁸ Шмитт
[Schmitt] 1992.

Исходная метафора «свои — чужие» еще не была разделена на спатальные и темпоральные аспекты. Пространство-время представляло во многом нерасчлененным, аморфным. Намечалась, впрочем, некая коллокальность человеческого мира прямого голосового общения, конвокальности, и непосредственной зрительной связи, синоптичности. Однако первоначальный человеческий мир также был пронизан постоянными усилиями *стать* людьми. Грань между превращением примата в человека и скатыванием к звериным инстинктам чисто биологического существования оказывалась зыбкой и незакрепленной. Эта грань до сих пор проблематична и непрочна. Великим учителем осмысления возникающих на ней дилемм и парадоксов, в частности соотношения между искусственным и естественным, был и остается Томас Гоббс¹⁹.

¹⁹ Филиппов
[Filipov] 2009.

Что же позволяло преумножить и укрепить человечность первобытных порядков? Их удвоение в пространстве-времени. Рядом с родовым миром был создан мир предков — и связь между ними в виде заветов предков. Впоследствии эта связь развернется в ту самую вертикаль, о которой пишет Каспэ. Но произойдет это не сразу, а через несколько циклов метаморфоз.

NB! Вообще о первобытности часто легкомысленно судят как о чем-то примитивном. А между тем на тотальную первобытность приходится около 12—13 тыс. поколений (и это только *homo sapiens* без других гоминид, тоже живших родовым строем). Всего 500 поколений отделяют нас от неолитической революции, когда к первобытности начинают добавляться иные эволюционные порядки. Выходит, что тотальная первобытность охватывает 95% всей истории человечества. Представьте, сколько метаморфоз совершилось за это время в рамках множества относительно изолированных родов-человечеств. Какой потенциал разнообразия форм был выработан! Что на этом фоне суэта последних 4—5 поколений в эволюционной паузе большого XX века?

Точно так же в закрытом порядке первочеловеческого мира постепенно вызреет и некое подобие центра. Сначала возникнет естественное господство (*host + *pot) прародителей — потиса (*potis) и потнии (*potnia), регулирование ими отношений с чужаками, гостями (*hostes)²⁰. Затем в ряду метаморфоз появится более отвлеченная инстанция авторитета — чудесной порождающей, плодоносной силы²¹, а фактически лишь средоточия циркуляции власти. И в совсем уже сложных и открытых системах имперского типа образуются центры и периферии.

²⁰ Ильин [Ilyin]
1995: 9—10; 1997:
192.

²¹ Бенвенист
[Benveniste] 1995:
329—330; Ильин
[Ilyin] 1997: 203—
210.

Лишь постепенно, в ходе множества метаморфоз, оппозиции внутреннего мира своих и внешней стихии чужих, динамической прокреа-

ции рода (сейчас) и незыблемого порядка предков (всегда) обретают свои пространственные и темпоральные контуры. К ним добавляются качественные оппозиции, прежде всего различие силового (потестарного) и игрового (ритуального) утверждения порядка²².

²² Ильин [Ilyin] 1995: 9—10.

Как мы видим, даже совершенно простой первобытный порядок обладал вполне отчетливой формой, которая постепенно становилась все сложнее и изощреннее. В ходе метаморфоз происходят новые разделения, подкрепляемые новыми метафорами и новыми циклами концептуализации. Исходное самоощущение *своего* подкрепляется различием *родства* и *свойства*. Затем от него отпочковываются и формируются понятия мира, любви, свободы и дружбы²³. Исходные концептуализации так или иначе связаны с социальным переосмыслением родства и породнения, с постепенным образованием внутри рода дуальной организации, экзогамии, фратрий, а также с закреплением новых форм в дуалистических мифах²⁴.

²³ Ильин [Ilyin] 2001.

²⁴ См. Золотарев [Zolotarev] 1964.

И в каждом цикле метаморфоз возникают свои порядки и их концептуализации. Появилось, например, множество средоточий — ядер, сердец, середин, сердцевин и, наконец, центров. Но это особые сюжеты метаморфоз, связанные с эволюционной морфологией. Речь о них впереди, а пока перейду ко второй благодарности.

Энциклика «Immortale Dei»

Подобно другим апостольским посланиям Льва XIII, например «Aeterni Patris» (1879), «Rerum Novarum» (1891), «Graves de Communi Re» (1901), энциклика «Immortale Dei», безусловно, очень важна для общей и интеллектуальной истории. Однако помимо исторической значимости данный документ содержит ряд вполне современно звучащих положений. В этом он особенно близок к более известной и чаще цитируемой энциклике «Rerum Novarum», в которой не только сформулирована социальная доктрина церкви, но и дан первый намек на принцип субсидиарности²⁵. В целом нельзя не признать, что Лев XIII вполне заслужил славу интеллектуала, внесшего заметный вклад в обновление христианской и, шире, социальной мысли.

²⁵ В дальнейшем этот принцип был развит епископом Вильгельмом Кеттелером, а затем окончательно закреплен в энциклике Пия XI «Quadragesimo Anno».

В числе важных интеллектуальных новаций Льва XIII выделяется следующее, по выражению Каспэ, революционное положение: «В конечном счете суверенитет не связан необходимым образом ни с какой политической формой; он может приспособливаться к той или иной форме»²⁶. Попытки увязать *суверенность* (это более корректный термин) тех или иных государств с демократией (ср. *суверенная демократия*), автократией, централизованностью и т.п. произвольны и по сути дела случайны. Связь суверенности государств с формой их конституционного устройства не предполагает ни односторонней, ни взаимной детерминации. Даже в случае суверенности как таковой, разлитой и закрепленной в сообществе государств (то есть суверенитета²⁷), наведенные с помощью семейного сходства общие характеристики суверенности не детерминируют, а только дополняют остальные государственные

²⁶ Цит. по: Каспэ [Kaspэ] 2012: 6.

²⁷ О различении суверенности отдельных государств и суверенитета как качества и системного условия международных систем см. Ильин [Ilyin] 2005, 2007a.

институты — правда, порой весьма решительным образом, что и может создать иллюзию детерминации.

Что касается прототипичности употребления в энциклике выражения «политическая форма», то она сомнительна. Сам же Каспэ отмечает, что в переводах соответствующие словоупотребления (*forme politique, mode of government, forma di governo, Staatsform* etc.) разнятся и, главное, вполне традиционны. Латинский оригинал — *reipublicæ forma* — тем более традиционен. Он восходит к Цицероновым и даже более древним временам, что прекрасно показано Олегом Хархординым в его замечательной статье «Была ли *res publica* вещью?»²⁸.

²⁸ Хархордин
[Kharkhordin]
2007.

Весьма ценна гипотеза, что именно энциклика 1885 г. стала одним из источников (и, возможно, главным) шмиттовской концептуализации политической формы. Это, однако, не дает никаких оснований для квалификации ее терминологии в качестве своего рода концептуального прототипа политической формы как некоей идеи высокого уровня обобщения. Найденные сходства являются важными, но всего лишь частными эпизодами *Begriffsgeschichte* второй половины позапрошлого века.

**Метафоры,
понятия,
подсказки языка**

Суждения Каспэ о терминологии и словоупотреблениях всегда содержательны и интересны, хотя порой некоторые трактовки конкретных вопросов истории понятий и этимологии могут вызвать возражения. Однако в главном Каспэ нацелен на суть дела, на отраженные в метафорах когнитивные схемы, которые и становятся ключом для понимания политической формы.

Ключ этот предьявлен, вставлен в замочную скважину — но так и не повернут. В своем определении политической формы Каспэ уходит в пространные рассуждения о рядоположенности и даже тождественности (!) метафор и понятий. Метафора и есть реальность, реальность и есть метафора. Метафора и есть понятие, понятие и есть метафора. Понятийные метафоры и метафорические понятия хватают друг друга за хвост и сплетаются на манер уробороса, символизирующего, по Карлу Густаву Юнгу и Эриху Нойманну, первичную нерасчлененность психики, единство сознательного и бессознательного.

Подобного рода мыслительные ухищрения являются уловкой разума (*List der Vernunft*), столкнувшегося с непереносимой сложностью и многоликостью мира, с множественностью переходов от действительности к мысли и обратно. Методологически это можно считать своего рода холизмом. Однако это холизм дурной. Лукавство разума — одновременно и ловушка для него²⁹. Она порождена тривиализацией в ее первичном и прямом смысле — некомпенсируемой и необратимой редукцией к простоте, очевидности и, добавлю, общепризнанности.

Учет тривиализации крайне важен³⁰. При искушении безоглядной тривиализацией он способен предостеречь. В случае же условной (компенсируемой) и временной (обратимой) тривиализации — это вполне

²⁹ Подробнее
о фундаментальных
теоретико-методологических
аспектах так
называемой
холистской не-
додетерминиро-
ванности (*holist
underdetermination*)
см. Локшин
[Lokshin] 2015.

³⁰ Бонс [Bons] 2004.

естественный и неизбежный момент в циклах познания вообще и концептуализации в особенности.

Свои циклы тривиализации и детривиализации есть как у метафор, так и у понятий. Схематично и крайне приблизительно выглядит это так. Имеется некая самоочевидность. Это может быть метафора, миф или даже слово, которое просто и без затруднений выражает нашу мысль. Далее начинается «расколдовывание» этой простоты (с помощью, например, ее проблематизации), демифологизация самоочевидности или простейшая рационализация словесного выражения. По мере продвижения концептуализации и обретения структурной четкости и ясности эта четкость закрепляется в виде слова или выражения. Происходит терминологизация. Затем термин получает все более широкое хождение, условия и контексты его употребления множатся и расширяются. Возникает так называемая концептная натяжка³¹. И термин, и понятие теряют четкость, но при этом увеличивают свое хождение, поскольку их смысл приблизительно всем и всегда понятен. Тут-то и приключается тривиализация. Мы снова возвращаемся к самоочевидности. А раз так, то приходится волей-неволей снова начинать ее «расколдовывать», приступать к детривиализации.

Данный цикл вполне естественен. На свой лад его раскрыли еще Чарльз Мерриам и Гарольд Лассуэлл, концептуально оформив отстраненными латинскими терминами. Они показали, как из самоочевидности мифа (*myth*) через его расщепление на *miranda* (особая форма герундива множественного числа, означающего «заслуживающие восхищения явления») и *horrenda* (заслуживающие ужаса явления) путем введения *formula* — правил их соединения, или кода, — мы получаем сложнейшую *doctrina*, которую операционально приходится редуцировать до *credenda* (заслуживающие веры явления)³². Но это не простое возвращение к очевидности, а переход на новый уровень с сохранением всей памяти о проделанной работе и концептных превращениях. Собственно, рационализация этой памяти и раскрытие ее кодов и составляет основной смысл концептной истории, будь то *Begriffsgeschichte*, опыты кембриджской школы или иных направлений данной научной дисциплины — не исторической, а концептологической.

Удивительным образом идея циклов демифологизации и ремифологизации, тривиализации и детривиализации перекликается с процитированным в статье положением из книги Каспэ о центрах и иерархиях: «Метафора *и есть* реальность; реальность *и есть* метафора; или, точнее, наличествует целый класс явлений, применительно к которым различение реальности и тропа не может быть произведено, поскольку составляющий суть последнего „перенос значения“ представляет собой в данном случае не однонаправленный, разовый процесс, но замкнутый на себя цикл. Ни начальная, ни конечная точки этого движения смысла не поддаются обнаружению — такие метафоры функционируют как нерасчленимые, базовые, имманентные человеческому мышлению способы символической организации реальности»³³. Однако в данном

³¹ Sartori 1970; Саптору [Sartori] 2003.

³² Merriam 1945; Lasswell 1949. Реконструкцию модели см. Ильин [Ilyin] 2007b: 540—541.

³³ Каспэ [Kaspe] 2007: 21.

случае речь идет о возвращении к началу, о «замыкании цикла» без выхода на новый уровень и снятия (*Aufheben*) прежнего в концептной памяти. Как подчеркивает сам Каспэ, «ни начальная, ни конечная точки этого движения смысла не поддаются обнаружению». Мы остаемся при том, с чего начинали.

Возникает иллюзия полного и безоглядного воспроизведения метафоры. Впрочем, чаще даже мифа, но это особый сюжет, который способен увести в сторону от сути политической формы. На деле метафоры, конечно, просто укореняются в своей концептной истории, в циклах своего воспроизводства. Однако часто эти циклы, эту историю как бы выносят за скобки, не замечают. В результате усложнившиеся и укоренившиеся метафоры воспринимают как простое повторение исходных. В этом есть логика и смысл, если мы не видим ничего кроме исходной когнитивной схемы. И тогда безоглядно и безвозвратно редуцированные до когнитивных схем метафоры можно не совсем удачно назвать (вслед за Хансом Блюменбергом³⁴) *абсолютными* и совсем неудачно — *замороженными, стертymi, мертвыми* (вслед за Ричардом Харви Брауном³⁵, Джоном Сёрлем³⁶ и Львом Гудковым³⁷ соответственно).

На деле же, повторю, метафоры, а также связанные с ними слова и выражения обыденного языка, научные понятия и термины существуют самостоятельно и живут своей жизнью. Если они и «гибнут», то скорее как Феникс, который возрождается из пепла, но «помнит» о своем происхождении и прежних своих воплощениях. Как справедливо замечает Александр Филиппов, «абсолютность метафор есть не столько сохранение определенного состава вечных символов, устойчивых переносных значений, сколько неизбежность балансирования между прямым и переносным смыслами»³⁸. Балансирования, добавлю, которое концептуализирует, «схватывает» политические и интеллектуальные контексты, сохраняет их в *Begriffsgeschichte*.

Подобное метафорическое обновление часто помогает сопрягать отдельные циклы смыслового заколдовывания и расколдовывания. Порой тривиализация метафор помогает обрести самостоятельную жизнь понятиям, а тривиализация понятий — обратиться к рациональности метафор. Отсюда иллюзия, будто понятия — это стертые, замороженные или мертвые метафоры. Однако на деле и метафоры, и понятия остаются живыми и подвижными Фениксами. Самостоятельное выживание метафор становится одним из ключевых ресурсов для детривиализации понятий. Реконструкция циклов концептуализации, установление критических моментов обновления понятий, метафор и когнитивных схем служат важным подспорьем для диагностики метаморфоз конкретных институтов и целых политических порядков в рамках эволюционной морфологии политики.

Средством подобной диагностики является реконструкция развития смыслов отдельных слов, максимально возможное углубление в их историю вплоть до установления исходной этимологии и основных этимонов. Крайне важно избежать завороченности нынешними

³⁴ *Blumenberg 1998.*

³⁵ *Brown 1977.*

³⁶ *Сёрль [Searle] 1990.*

³⁷ *Гудков [Gudkov] 1994.*

³⁸ *Филиппов [Filipov] 2008: 186.*

словоупотреблениями, которые могут восприниматься и зачастую воспринимаются как естественные и единственно возможные. Это отчетливо чувствуется в восприятии идеи и слова «форма» людьми, воспитанными в европейской или, шире, западной традиции. Эту традицию, впрочем, точнее было бы характеризовать не пространственно-географически, а темпорально-качественно, например, как модернизационно-космополитическую. Однако и ей склонность мыслить формально досталась через римское право и, главное, схоластику от латинского языка и связанной с ним цивилизации Древнего Рима.

NB! Спонтанное пространственное переосмысление темпоральных проблем ведет к образованию обманчивых и очень опасных метафор типа *возвращения в Европу* тех, кто там, собственно, никогда и не был, и кого лишь поверхностно затронула диффузия культурных образцов модерна. Эти образцы имеют порой весьма специфическое и отнюдь не «общеевропейское» происхождение, порой совсем не европейское, а заморское. Космополитические образцы в основном связаны с девиациями коренной европейской традиции, относительно слабо замутненной возвратной космополитической диффузией. Эта коренная традиция локализуется изредка и отчасти на европейских перифериях, но преимущественно в рокановском «поясе городов» и в его альпийском сегменте. Недаром Швейцария при всей своей прототипичности держит дистанцию от остальной Европы и ЕС — слишком уж много неевропейских девиаций в этой «объединенной» Европе.

Существовало и существует множество альтернативных способов помыслить форму. Древние греки, например, использовали совсем другие термины: «идея» (ἰδέα), «эйдос» (εἶδος), «морфа» (μορφή). Все эти термины так или иначе связаны с концептуализацией формы как облика, чего-то зримого и имеющего очертания, мерцающего. В конечном счете, чтобы стать формой (лучше сказать *морфой*), подобный облик должен был приобрести характер образца. Любопытно, что русское слово «образец» как раз и означает «нечто очерченное, вырезанное из общего фона».

Логично и даже показательно, что жесткой терминологической фиксации одним словом идея формы, как она известна нам, так и не получила. Даже Аристотель, открывший формальную причину, а значит — и форму как источник причинения, пользовался для ее концептуализации целыми выражениями — το τί ἴναι εἶναι («то, что есть сущее», дословно «то, чему быть») или το τί ἐστὶν («то, что стало быть») ³⁹ и το τί ἐστὶν («то, посредством чего»). Последнее выражение нередко могло обозначать всякую причину. Впрочем, различие довольно зыбкое. Порой данное выражение относится к любой причине, порой таковая отождествляется с действующей (causa efficiens) — чаще всего уже интерпретаторами Стагирита. Только схоласты четко разделили и концептуализировали четыре аристотелевские причины ⁴⁰.

³⁹ Данные выражения часто передаются специально сконструированным русским словом «чтойность» или латинским «quidditas» (см. Losev [Losev] 1975: 11 и далее).

⁴⁰ Авдонин, Ильин [Avdonin, Ilyin] 2015.

Латинская форма связана с идеей схватывания, держания и удержания. Ее смысловые истоки и связь с индийской дхармой прекрасно проанализированы Вадимом Цымбурским. Обо всем этом подробно говорилось в первой части статьи, так что не буду повторяться. Напомню только, что исходный индоевропейский корень **dher-* дал после многообразных метаморфоз славянскую «державу» и литовское слово *derm* («согласие, лад, интервальный ряд в музыке»).

Позволю себе не согласиться с Каспэ, что *дхарма* является Ultima Thule этимологических изысканий, что «дальше санскрита двигаться некуда»⁴¹. Безусловно, есть куда. Санскриту три с половиной тысячи лет. Индоевропейскому праязыку, точнее, языковой общности, вероятно, в два-три раза больше. Еще древнее ностратическая общность. Ее отделяет от нас не менее 10, а то и 15 тысячелетий. Правда, ностратические этимологии при всей их исключительной ценности уже гадательны. Их точность часто сомнительна. А вот точность индоевропейских реконструкций довольно высока. На них вполне можно полагаться для установления метаморфоз, которые претерпели институты и политические порядки вместе со средствами своей концептуализации.

⁴¹ Каспэ [Kaspe] 2012: 10.

**Эволюционная
последовательность
формообразования**

Эволюционная морфология позволяет нам разглядеть череду политических порядков и форм, связанных метаморфозами и воспроизводством — далеко не всегда генетическим, а зачастую подражательным. Подобную «связность в ряду политических форм»⁴² отмечает и Каспэ. Однако трудно согласиться с редукцией этой логической связанности до «вполне определенного ядра — в виде той или иной типичной модели отношений центра, периферии и вертикали»⁴³. Тем более огромным преувеличением является утверждение, что «такая модель и есть *политическая форма*»⁴⁴. Действительно, устойчивая метафорическая композиция «центр—периферия—вертикаль» мощно определяет смыслы и алгоритмы образования многих политических порядков, в том числе тех, что у нас на виду. Однако и тут она действует вкупе с другими композициями. Что касается архаичных и традиционных порядков, которые у нас не на виду, то многие используют иные композиции. Фактически композиция «центр—периферия—вертикаль» включается только на достаточно продвинутых фазах развития империй и цивилизаций, наверняка с образованием теократий, то есть империй и цивилизаций, обладающих двумя типами иерархий: профанной «горизонталью» и сакральной «вертикалью». (Разумеется, горизонталь и вертикаль понимаются здесь не пространственно, а качественно, путем условного отнесения иерархий либо горе, либо долу.) До этого если что-то напоминающее центры, периферии и вертикали и существует, то в лучшем случае речь идет о неясных праформах, но в основном лишь о неких структурах или моментах, которые путем множества метаморфоз могли бы такими праформами стать.

⁴² Там же: 23.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

Преувеличение роли композиции «центр—периферия—вертикаль» полностью оправданно для тех, у кого она на виду. Как отмечает сам Каспэ, «каждая политическая форма — по крайней мере, в момент своего акцѣ — воспринималась как естественная, непреложно данная и единственно истинная форма мира»⁴⁵. Так что его предрасположенность к тому, чтобы повсюду видеть композицию «центр—периферия—вертикаль» вполне объяснима. Его внутреннее «зрение» и интеллектуальная «оптика» настроены соответствующим образом. Ему понятны и близки те эволюционные конфигурации, которые дали свои совершеннейшие проявления (акцѣ) на поздних, теократических этапах развития Рима и сохранились пусть в превращенном виде, но отчетливо и ярко на последующих стадиях европейского развития.

Подобный взгляд естественен для всех нас, европейски и современно образованных людей. Равным образом нам абсолютно непонятны и даже чужды иные формы, отдаленные от нас в пространстве-времени. Так, слишком далеки от нас в пространстве-времени первобытные формы. Слишком стерты их повсеместные следы. Они фактически стали неким всеобщим фоном, который трудно заметить.

Одна из наиболее основательных и глубоких реконструкций была осуществлена Александром Золотаревым⁴⁶. Открытая им дуальная организация — первый человеческий порядок, заслуживающий названия формы или, во всяком случае, проявляющий морфологическую динамику.

Разумеется, данному порядку предшествовало некое относительно бесформенное состояние то ли все еще стада гоминид, то ли возникающего человеческого рода. Первичное минимальное сообщество, способное выжить и воспроизвести себя, было тесным кругом связанных кровным родством людей⁴⁷. Метафорой этого замкнутого мира был круг, или коло⁴⁸, — самая простая из завершенных и целостных фигур. Это образ объединения своих, возвращения к себе, обретения себя. За ним просвечивают уже представления о своих, «растущих вместе», а значит — свободных⁴⁹ и, добавлю, мирных и любящих, которые утверждают свои качества вопреки грозящим извне нечеловеческим стихиям вражды и нужды⁵⁰.

Замечательным открытием Золотарева было выявление следующего шага уже вполне человеческого развития — сознательного социального воспроизведения человеческого рода поверх и вдобавок к биологическому воспроизведению вида homo sapiens. Этот шаг основан на простой процедуре удвоения. К виду добавляется род, а к кругу своих, родственников — круг своих чужих, свойственников. Дуальная организация предполагает появление двух пересекающихся кругов взаимно брачующихся людей. Зарождающаяся мифология еще раз удваивает пространство-время за счет своего рода «копии» пространства-времени предков. В этом пространстве-времени возникают неподвластные порче образцы, или заветы предков. Это первый момент, который после

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Золотарев [Zolotarev] 1964.

⁴⁷ Это очень древнее слово восходит к индоевропейскому этимону *leodh-, обозначающему всех живущих и растущих вместе, в одном круге. Недаром и в русском, и в немецком языке слова «люди» и «die Leute» относятся только к множеству. Правда, в украинском все-таки удалось создать слово для обозначения одного из такого множества — «людина».

⁴⁸ Ностратическая реконструкция этимона *kol' для «круглого, круга и вращения» включает индоевропейское *kolo («круг»), семитское *qib («вертеть, поворачивать»), дравидское *kil («вертеть, круг»), алтайское *koli («вращать»), корейское kil («качать»), грузинское kver («круглая лепешка, круг сыра»), селькупское kola («круг, обруч») и т.п. (см. Иллич-Свитыч [Illich-Svitych] 2003: 326—327).

⁴⁹ Бенвенист [Benveniste] 1995: 212 и далее.

⁵⁰ См. Ильин [Ilyin] 1997, 2001.

множества метаморфоз приведет к становлению сакральной вертикали, которая занимает столь важное место в концепции Каспэ.

На базе дуальной организации постепенно образуются более сложные формы. Это достигается с помощью структурной связи (с-вязь) со-узничества, установления обязывающих, «связывающих» отношений. Связка союзничества дает уже зачатки не просто социальных, но в перспективе политических отношений. Тем самым вырастающее из дуальной организации свойство получает развитие в череде метаморфоз и множится в различных формах социальных связей — побратимство, усыновление, соседство и т.п.

При благоприятных условиях становится возможным перенести новые формы связи на все более широкие общности людей. Складываются ближние и отдаленные круги союзничества и соседства. Выстраиваются целые гирлянды связанных друг с другом кругов — от фратрий и племен до больших родоплеменных и соседских общин. Возникают вожества (chiefdoms), а с ними появляются приметы будущей ранней государственности⁵¹.

Образованию деспотий и полисов предшествовала другая не менее важная метаморфоза, сопряженная с переходом от простейшей патриархальной формы господства к его патримониальным разновидностям. К сожалению, этот вопрос изучен несравнимо хуже, чем возникновение вожеств, а затем деспотий, полисов и прочих вариантов раннего государства-господства. Собственно, это и понятно. В случае ранних государств-господств можно задействовать аппарат, который близок к тому, что используется при изучении нынешних институтов, и, по сути, представляет собой его адаптированную версию. При этом возможно разглядеть, разумеется, только один срез. Другие остаются вне нашего поля зрения.

Иные возможности открываются при обращении к господству без замутняющих примесей, привнесенных редуцированными лекалами классового, государственного, цивилизационного и т.д. анализа, разработанными на материале если и не современных, то близких к нам примеров. Использование моделей, а точнее, типов господства как аналитически простейших форм поведения и организации было предложено и систематически осуществлено Максом Вебером. В третьей главе первой части «Хозяйства и общества» он обратил внимание на вырастание патримониализма из первичного патриархализма (*primärer Patriarchalismus*), а также из господства чтимых, то есть старейшин (*Honoratiorenherrschaft*), или геронтократии (*Gerontokratie*)⁵².

Патримониальная форма предполагает выделение власти и подвластных и содержит в зародыше различие центра и периферии. Данная форма ориентирована на восполнение дефицита связей между властями и подвластными в относительно крупных сообществах или в условиях их динамичного роста, когда выработанные применительно к меньшим масштабам институциональные возможности уже не срабатывают. Патримониальное господство осуществляется поверх рыхлой

⁵¹ Данное понятие может сбивать с толку, особенно в англоязычном терминологическом оформлении — *early state, early statehood*. Да и по-русски требуется не разграничение, а соединение государственности и господства. Это скорее то состояние, которое передается немецким словом «*Herrschaft*».

⁵² Weber 1980: 130.

институциональной среды за счет появления такой скрепы, как патримониум. Это еще одно предвосхищение и иерархии, и вертикали, хотя особенность патримониализма заключается именно в том, что развитие как бы останавливается на полпути. Патримониум — инструмент организационной связи, в простейших формах предстающий как свита властителя, которая может значительно разрастись с расширением самой политики. Однако патримониум это также и некая идея общности власти и подданных. В рыхлой институциональной среде обе эти связи — идейная и организационная — довольно эффективно работают (в качестве компонента более сложных политических систем) вплоть до наших дней.

Форм деспотии множество. Крайне важны условия ее формирования — от природной среды до начальных объемов и темпов роста. Медленно растущие в относительно устойчивых, а значит, благоприятных природных условиях деспотии могут вырабатывать достаточно плотные и надежные властные иерархии. Быстрорастущие и рыхлые обращаются к патримониальным решениям. Есть, разумеется, и иные варианты. В любом случае деспотический властитель структурно выделен. В этом смысле можно говорить об отчетливом становлении центра, притом центра единого и единичного.

Полисные (городские) формы еще сложнее и разнообразнее. Однако прежде чем говорить о них, сразу обращаю внимание на явную ошибку Манана. Он выделяет в качестве сущностной характеристики полиса синопнизм, объясняя это тем, что «граждане знают друг друга»⁵³. Однако так рассуждать может лишь человек, который смотрит на полис из нашего нынешнего перенаселенного мегамира или, по крайней мере, из империи. Но попробуем взглянуть на полис из него самого или, еще лучше, из непосредственно предшествовавших ему общинных, а то и родовых форм. Жители совсем маленьких, крохотных полисов действительно могли знать всех сограждан, каковых было полторы-две сотни. В полисах покрупнее, не говоря уже о громадных, счет граждан шел уже на тысячи, а то и на десятки тысяч. Всем известны были наиболее активные и славные. Многих же приходилось припоминать с трудом, сверяясь при этом с родословными и записями гражданского состояния. Да и собирались граждане вместе — далеко не все, а основная масса — лишь на важнейших «общих» собраниях или религиозных празднествах.

Полисная форма создается за счет выделения ядра и хоры. Сами названия акцентируют появление ядра — город, огороженное место, утес, курган, возвышенность⁵⁴. Хора, или зона вокруг ядра, концептуализируется как о-круга или об-(в)ласть. Возникают и внутренние деления. Это внутренний город, акрополь-остроград, кремль и т.п., а также агора и форум — пространства для обеспечения временного или условного синойкизма. Само слово *forum* означает как закрытое пространство, так и «задверье», что подчеркивается двуликостью римского Януса, бога дверей и ворот. Внутренняя двусмысленность полисной

⁵³ Манан [Manan] 2004: 76.

⁵⁴ Ильин [Ilyin] 1997: 218.

структуры усиливается внешней, связанной с полисным союзничеством, созданием амфикионий, то есть пространств мира. Вообще, полисная форма, вопреки Манану, — это новое расширение и уплотнение пространства мира и свободы, эманации-метаморфозы исходного мира-свободы-приязни. Это также укрощение войны, редукция вражды и нужды до регулируемых внутренних отношений со своей культурой.

«Невозможность построения на основе города более крупной политической структуры»⁵⁵ иллюзорна, связана с затмевающим наше сознание давлением «злости дня», отдельных казусов. Эволюционные трансформации претерпевают не особи, а виды. Афинская арха и киевская держава — это уже переход к следующей политической форме, открытой, имперской. И структурной основой такой формы становится «Вечный город», даже если не он «строил» эту империю, а внешняя экзополитарная деспотия. Этой деспотии так или иначе придется переместить свою царскую ставку в некий полис — или специально выстроить небывалый чудо-град наподобие Петербурга.

Именно в имперских системах обретает отчетливые черты предложенная Каспэ формула. Правда, и здесь концептуализация центра как условной точки только намечена. Фактически господствует образ и когнитивная схема середины, ядра, сердца.

В китайской традиции простирание во все стороны всемирной империи — Четырех четвертей (四方)⁵⁶ — опирается на Срединное государство (Чжунго, 中國/中国). Первый иероглиф 中 обозначает «центр» или «середину». Второй элемент 國 или 国 означает «государство», точнее, пространство внутреннего домашнего попечения и благоустройства. Ядро китайской цивилизации вполне отчетливо локализуется. Оно охватывает среднее течение Хуанхэ, где, собственно, и зародилась китайская цивилизация, и расширяется вплоть до пространства трех провинций: Шэньси, Хэнань и Шаньдунь. Структурную ось ядра образуют три древние столицы — Сиань, Лоян и Аньян. Есть центры и вокруг этого ядра: северная столица Пекин, южная столица Нанкин, нынешний Шанхай. Есть ближние и дальние периферии вплоть до внешних зон освоения (Синьцзян, Тибет, Монголия).

Внутри ядра находится свое ядро — среднее течение Хуанхэ и так называемая Центральная равнина Чжунъюань (中原), в основном совпадающая с провинцией Хэнань. Центральную равнину в ее гористой части к югу от Янцзы пересекает Центральная долина, дугой огибающая горный массив. В его центре расположен своего рода китайский пуп Земли. Его именуют Суншань, или гора Сун (嵩山), то есть Величайшая гора. Ее другие имена — Чжунъюань или Чжунъюань (中嶽/中岳), что можно перевести как Великая центральная гора.

С явной неосведомленностью связано утверждение Александра Мотыля, будто «в империи отношения ядра и периферии напоминают незавершенное колесо (incomplete wheel), в котором есть ступица и спицы, но отсутствует обод... или, говоря менее метафорически, отсутствуют прямые связи периферий между собой, а также с иными,

⁵⁵ Каспэ [Kaspe] 2012: 18.

⁵⁶ Концептуализация четырех сторон/стран широко распространена. Ее использовали уже шумеры, Ахемениды, инки (Diverger (dir.) 1980: 16—17; Roux 2003: 25). Весьма показательным названием империи инков на языке кечуа — Tawantinsuyu. Оно образовано корнем tawa («четыре») с суффиксом обобщения -ntin и вторым корнем suyu («сторона», «направление» и тем самым, как и в русском языке, «страна») (Тулак Юпанки [Tupac Yupanqui] 2008—2010: 69).

⁵⁷ Motyl 2001: 16.

⁵⁸ Санскритское слово «чакра» происходит из индоевропейского *k^wek^wlos со значением «колесо, круг». От этого же корня произошли другие слова, обозначающие круг, — греческое «κύκλος», латинское «colus», общеславянское и церковнославянское «коло», литовское «kāklas» и даже английское «wheel» (< др.-англ. hwēol) (см. Monier-Williams 2005: 380).

⁵⁹ Артхашастра VI.2.39: «Сделав государей отделенных промежуточной территорией ободом [колеса], а государей непосредственно соседствующих — спицами колеса, в качестве ступицы... круга (mandate) элементов сам вождь пусть располагается» (цит. по: Лелюхин [Leljukhin] 1998: 32).

⁶⁰ Каспэ [Kaspe] 2012: 23.

неимперскими политиями⁵⁷. Так, в Индии концептуализируется система цивилизационного порядка в виде пересекающихся кругов, *чакр*⁵⁸, или так называемая мандала.

Мандала является моделью мирового порядка. Это сложная геометрическая структура. Ее обязательная основа — два концентрических круга, внешний и внутренний, а также соединяющий их квадрат. Обычно в нее добавляются также другие круги и квадраты, что и создает своего рода «карту мироздания».

Автор знаменитой «Артхашастры» Каутилья, советник и соратник Чандрагупты, создателя империи Маурьев, уподоблял ее колесу. В центре находится властитель, ступица мандалы. На ободке располагаются отдаленные властители. Спицами же являются властители союзные⁵⁹. Государь при этом именуется *чакроварти* — «коловрат», то есть «вращающий коло, чакру» или «возвращающий цикл». А *дхармачакрой* («колесом» или «циклом» дхармы) становится прагматический принцип возвращения исконного порядка, изживания порчи. Этот принцип созвучен демократическому императиву исправления дефектов правления. Демократия определяет себя как «самое плохое правление» не в силу своей сущностной дефектности, а в силу установки на поиск дефектов ради их исправления. Можно предположить, что созвучие принципов демократии и дхармачакры — один из факторов и объяснений относительного успеха самообновляющейся и исправляющей самой себя индийской демократии.

Я сознательно использовал восточные примеры, чтобы подчеркнуть возможное разнообразие и богатство концептуализаций на основе когнитивной схемы «центр—периферия—вертикаль». На этом в принципе можно поставить точку, вынеся все последующие метаморфозы за скобки. Дальнейшая эволюция политической организации включают данную формулу (в преобразованном виде) в состав и репертуар используемых «строительных блоков». Но это особая история, требующая специального рассмотрения.

Появление современных систем, обладающих открытостью второго порядка (то есть способностью открывать и закрывать свои формы по отдельным параметрам), разделение и одновременно соединение внешней и внутренней политики относительно ячеек государств-состояний в международных системах позволяют подступиться к основным вопросам, которые поставлены Каспэ: «Представляет ли собой этот ряд политических форм закрытый континуум? Обречены ли мы на постоянный перебор столь немногих идеальных типов (лишь незначительно расширяя спектр доступного за счет упоминавшихся выше гибридных вариаций — квазиполисов, недоимперий, сложноставных государств etc.) — или возникновение принципиально новой политической формы все же возможно?»⁶⁰.

Ответы на эти вопросы подсказывает практика эволюционной морфологии политики в фазе ее глобализации. Но эта практика пока еще не «видна» и не «слышна» нам в достаточной мере. Слишком робка

еще концептуализация того, что возникает в метаморфозах путем перекомпоновки и преобразования наличных и сохраненных в культурной памяти цивилизаций форм. И дискуссии, подобные начатой сейчас на страницах «Политии», — дополнительный стимул к активизации наших усилий.

Библиография

Авдонин В.С. 2014. Методологическая интеграция науки // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4: Поверх методологических границ.* — М. [Avdonin V.S. 2014. Metodologičeskaja integracija nauki // *METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedčeskikh disciplin. Vyp. 4: Poverkh metodologičeskikh granic.* — M.].

Авдонин В.С. 2015. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органы) // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении.* — М. [Avdonin V.S. 2015. Metody nauki v vertikal'nom izmerenii (metateorija i metajazyki-organony // *METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedčeskikh disciplin. Vyp. 5: Metody izučeniija vzaimozavisimostej v obshhestvovedenii.* — M.].

Авдонин В.С., Ильин М.В. 2015. Четыре «вины» Аристотеля и попытки их искупления в схоластической традиции // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении.* — М. [Avdonin V.S., Ilyin M.V. 2015. Chetyre «viny» Aristotelja i popytki ikh iskuplenija v skholastičeskoi tradicii // *METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedčeskikh disciplin. Vyp. 5: Metody izučeniija vzaimozavisimostej v obshhestvovedenii.* — M.].

Бенвенист Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов.* — М. [Benveniste É. 1995. Slovar' indoevropejskikh social'nykh terminov. — M.].

Бонс В. 2004. Социология и модернизация. Эпистемологические и методологические размышления об определении позиции исследования практического применения // Конеген Н., Шуберт К. (ред.) *Методологические подходы политического исследования и метатеоретические основы политической теории: Комментированное введение.* — М. [Bones W. 2004. Sociologia i modernizacia. Epistemologičeskie i metodologičeskie rasmyslenija ob opredelenii pozicii issledovanija praktičeskogo primenenija // Konegen N., Schubert C. (red.) *Metodologičeskie podkhody političeskogo issledovanija i metateoreticheskie osnovy političeskoi teorii: Kommentirovannoe vvedenie.* — M.].

Гудков Л.Д. 1994. *Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии.* — М. [Gudkov L.D. 1994. Metafora i racional'nost' kak problema social'noj epistemologii. — M.].

Гумбольдт В. 2000. *Избранные труды по языкознанию.* — М. [Humboldt W. 2000. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. — M.].

Золотарев А.М. 1964. *Родовой строй и первобытная мифология*. — М. [Zolotarev A.M. 1964. Rodovojj stroj i pervobytnaja mifologija. — М.].

Иллич-Свитыч В.М. 2003. *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский)*. Введение. Сравнительный словарь (b — K). — М. [Illich-Svitych V.M. 2003. Opyt sravnenija nostraticheskikh jazykov (semitokhamitskijj, kartvel'skijj, indoeuropejskijj, ural'skijj, dravidskijj, altajskijj). Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar' (b — K). — М.].

Ильин М.В. 1995. *Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем*. Ч. II—III. — М. [Ilyin M.V. 1995. Oчерки khronopoliticheskijj tipologii: Problemy i vozmozhnosti tipologicheskogo analiza ehvoljucionnykh form politicheskikh sistem. Ch. II—III. — М.].

Ильин М.В. 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий*. — М. [Ilyin M.V. 1997. Slova i smysly: Opyt opisanija ključevykh politicheskikh ponjatij. — М.].

Ильин М.В. 2001. Концептуализация идеи человечности в индоевропейской культурной традиции // *Концептуализация политики и сопряженных аспектов человеческой деятельности*. — М. [Ilyin M.V. 2001. Konceptualizacija idei chelovechnosti v indoeuropejskoj kul'turnoj tradicii // Konceptualizacija politiki i soprjazhennykh aspektov chelovecheskoj dejatel'nosti. — М.].

Ильин М.В. 2005. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // *Политическая наука*. № 4 [Ilyin M.V. 2005. Suverenitet: vyzrevanie ponjatijnoj kategorii v uslovijakh globalizacii // Politicheskaja nauka. № 4].

Ильин М.В. 2007а. Суверенитет: развитие понятийной категории // Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.) *Суверенитет: Трансформация понятий и практик*. — М. [Ilyin M.V. 2007a. Suverenitet: razvitie ponjatijnoj kategorii // Ilyin M.V., Kudrjashova I.V. (red.) Suverenitet: Transformacija ponjatij i praktik. — М.].

Ильин М.В. 2007б. Политический дискурс // Соловьев А.И. (ред.) *Политология: Лексикон*. — М. [Ilyin M.V. 2007b. Politicheskijj diskurs // Solov'ev A.I. (red.) Politologija: Leksikon. — М.].

Ильин М.В. 2014. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 4: *Поверх методологических границ*. — М. [Ilyin M.V. 2014. Metodologicheskijj vyzov. Chto delaet nauku edinoj? Kak soedinit' raz'edinennye sfery poznaniya? // METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskikh disciplin. Vyp. 4: Poverkh metodologicheskikh granic. — М.].

Ильин М.В. 2015. Методологический вызов. Что за власть создает нашу действительность? // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 5: *Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении*. — М. [Ilyin M.V. 2015. Metodologicheskijj vyzov. Chto za vlast' sozdaet našu dejstvitel'nost' // METOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskikh disciplin. Vyp. 5: Metody izučeniya vzaimozavisimostej v obshhestvovedenii. — М.].

logicheskijj vyzov. Chto za vlast' sozdaet nashu dejjstvitel'nost'? // *METHOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskikh disciplin. Vyp. 5: Metody izuchenija vzaimozavisimostej v obshhestvovedenii.* — М.].

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* — М. [Kaspe S.I. 2007. *Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma.* — М.].

Каспэ С.И. 2012. О понятии политической формы // *Полития.* № 4 [Kaspe S.I. 2012. O ponjatii politicheskoi formy // *Politeia.* № 4].

Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живем.* — М. [Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metafory, kotorymi my zhivem.* — М.].

Лелюхин Д.Н. 1998. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи // *Государство в истории общества: К проблеме критериев государственности.* — М. [Leljukhin D.N. 1998. *Koncepcija ideal'nogo carstva v «Artkhashastre» Kautil'i // Gosudarstvo v istorii obshhestva: K probleme kriteriev gosudarstvennosti.* — М.].

Локшин И.М. 2015. Всё объясняется всем? Некоторые эпистемологические и методологические вызовы для современной политической науки // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении.* — М. [Lokshin I.M. 2015. *Vsjo ob"jasnjaetsja всем? Nekotorye ehpiistemologicheskie i metodologicheskie vyzovy dlja sovremennoj politicheskoi nauki // METHOD: Moskovskijj ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskikh disciplin. Vyp. 5: Metody izuchenija vzaimozavisimostej v obshhestvovedenii.* — М.].

Лосев А.Ф. 1975. *История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика.* — М. [Losev A.F. 1975. *Istorija antichnoj ehstetiki: Aristotel' i pozdnjaja klassika.* — М.].

Манан П. 2004. *Общедоступный курс политической философии.* — М. [Manan P. *Obshhedostupnyj kurs politicheskoi filosofii.* — М.].

Сартори Дж. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии // *Полис.* № 3—5 [Sartori G. 2003. *Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii // Polis.* № 3—5].

Сёрль Дж.Р. 1990. Метафора // Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. (ред.) *Теория метафоры.* — М. [Searle J.R. 1990. *Metafora // Arutjunova N.D., Zhurinskaja M.A. (red.) Teorija metafory.* — М.].

Тупак Юпанки Д. 2008—2010. *Учебник языка кечуа — языка потомков инков* [Tupac Yupanqui D. 2008—2010. *Uchebnik jazyka kechua — jazyka potomkov inkov*] (<http://kuprienko.info/demetrio-tupac-yupanqui-el-curso-quechua-al-ruso/>).

Филиппов А.Ф. 2008. *Социология пространства.* — СПб. [Filipov A.F. 2008. *Sociologija prostranstva.* — SPb.].

Филиппов А.Ф. 2009. Актуальность философии Томаса Гоббса // *Полития.* № 2, 4 [Filipov A.F. 2009. *Aktual'nost' filosofii Tomasa Gobbasa // Politeia.* № 2, 4].

- Хархордин** О.В. 2007. Была ли res publica вещью? // *Неприкосновенный запас*. № 5 (55) [Kharkhordin O.V. 2007. Byla li res publica veshh'ju? // *Neprikosnovennyj zasap*. № 5 (55)].
- Шмитт** К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 1 [Schmitt C. 1992. Ponjatie politicheskogo // *Voprosy sociologii*. № 1].
- Blumenberg** H. 1998. *Paradigmen zu einer Metaphorologie*. — Frankfurt a.M.
- Brown** R.H. 1977. *A Poetic for Sociology: Towards a Logic of Discovery for the Human Sciences*. — Cambridge, L., N.Y.
- Duverger** M. (dir.) 1980. *Le concept d'Empire*. — P.
- Lasswell** H.D. 1949. *Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics*. — Cambridge (Mass.).
- Merriam** C.E. 1945. *Systematic Politics*. — Chicago.
- Monier-Williams** M. 2005. *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. — Motilal Banarsidass Publ.
- Motyl** A. 2001. *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. — N.Y.
- Roux** J.-P. 2003. *Genghis Khan and the Mongol Empire*. — L.
- Sartori** G. 1970. Concept Misformation in Comparative Politics // *The American Political Science Review*. Vol. 64. № 4.
- Weber** M. 1980. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie*. — Studienausgabe, Tübingen.